

УСТЮГ ЛИТЕРАТУРНЫЙ

НИКОЛАЙ АЛЕШИНЦЕВ

Николай Созонтович Алешинцев родился в 1950 году в деревне Анисимово Великоустюгского района. Закончил Великоустюгский сельскохозяйственный техникум. Всю энергию и знания отдает селу, родной земле — работает ли он егерем, управляющим отделением или директором совхоза. Сейчас — глава администрации Орловского сельсовета.

Стихи и рассказы печатались в районной газете «Советская мысль».

Автор книги стихов и рассказов «Час за закатом» (Великий Устюг, 2005).

Яблочный Спас. Преображение

РАССКАЗ

Превозмогая сердечную боль, монах Иоанн сел на сундук. Отдышался.

Сколько он провалялся, прижатый болезнью в келье, вспомнить не удалось. Помнил лишь, что прихватило его после Петрова дня. Спасибо братии, не отступились, выходили — кормили с ложки, отварами поили, умывали с ковшика...

Ощупал лицо руками: страшен, поди.

Встал. Качнуло в темноте, но удержался за крышку стола. «На улочку бы выйти», — прошептал себе, и так слезливо получилось, что насупилась даже. Толкнул кованую дверь кельи, и она со скрипом подалась. Опять шепнул: «Маслицем бы смазать или хоть деготьком... Но не сейчас. Сейчас к реке, к церкви Никольской! Хоть бы еще посмотретья на нее...»

Мысли нагоняли одна другую, спорили меж собой. Одна особенно назойлива: «Всю жизнь готовил себя к подвигу. А где он подвиг-то? Умрешь сейчас — вот и весь подвиг». Другая утешала: «А Богу служить разве не подвиг? Всенощные бдения, молитвы о православных али не считаются?» Назойливая донимала: «Православные тоже разные. Убийцы, ворье, им-то за что милость божья? Подвиг ли это — отмаливать их грехи, по умыслу совершенные?»

На душе стало муторно и неудобно. Толкнул высокую монастырскую дверь и ослеп от яркого, совсем не осеннего солнца. Словно чего-то страшась, вновь закрыл глаза. «Господи, есть за что тебе служить, есть! День-то какой! На небе ни облачка. В вершинах монастырских берез то ли листочки меж собой шепчутся, то ли ангелы тихонько поют... Теплынь...»

Легкий ветерок принес с Сенной площади тонкий, ни с чем не сравнимый запах свежих яблок.

«Уж не Яблочный ли Спас?»

Преображение. Иначе откуда в Устюге яблочный дух? Скорей, скорей на набережную, там люди, там церковка Никольская счастливой невестой на Сухону выбежала да так и замерла, очарованная красотой и простором русской земли.

От предвкушения вновь встретиться с праздничным людом, с Сухоней и церковью полегчало. Иоанн осторожно, слово ощупывая земную твердь, сделал первые шаги. И когда понял, что не разверзлась земля, не подкосились в слабости ноги, устремился к цели.

Все радовало глаз. Все было знакомо и все-таки ново. Голуби, ошалев от тепла, ухаживают за голубками, воркуя и надуваясь. Галки купаются в лужах, поправляют перышки и, смешно наклонив голову, всматриваются в свое отражение в воде. Точь-в-точь девки перед игрищем.

От Михайло-Архангельского до Никольской не «дальний свет», но даже ряса промокла от нездорового пота. Но дотянул, дотянул-таки до недавно построенного и сияющего свежими белилами архиерейского дома. Сел на скамеечку, стоящую над самым склоном к сухонской воде, и, ненадолго прикрыв глаза, отдышался.

Здесь еще сильнее пахло яблоками. Везде, где можно, примостился торговый люд. Лежали на рогожах, на свежей золотой соломе горки яблок. В руках у людей тоже были яблоки, и лишь гуляющие по набережной форсистые девки с некоторым вызовом к окружающим лихо бросали в крашенные рты мелкие лампасеи с веселым названием «Кап-кап — весенняя радость».

— Вот, мое дитятко Ванюшка, здесь мы с тобой и посидим. Сядем на скамеечку и подождем тятку-то. Вон он — паузок разгружает. Пусть разгружает. Приказчик ему за это семишник* даст. Пряник медовый тебе купит. Хочешь пряник? Вот и купит. А пока наκος вот...

Что-то напевая, молодая женщина высвободила из-под плисовой кофты ярко-белую грудь, и малыш тут же впился в крупный, как спелая вишня, мамкин сосок розовыми, чуть припухшими губками.

А кругом суматоха: смех, ругань, ржание лошадей, всхлипы воды под крутыми боками причаленных барок, звон металла и резкие ружейные хлопки от сброшенных пластью свежих досок. А ребенок сопит себе носиком-пуговкой, причмокивает, наполовину утонув в мамкиной нежности, и лишь скошенным голубеньким глазом с чуть заметной хитринкой на остальной мир поглядывает. Иногда даже улыбнется чему-то, одному ему ведомому.

«Не остановить жизнь, пока мать кормит свое дитя, не остановить. Слава тебе, Господи!» — подумал монах и встал со скамейки. И опять не разверзлась земля, не ударила болью в сердце...

А женщина поправила за ухо выбившуюся прядь и, чуть покачиваясь, тихо запела колыбельную...

...Из-за Сухоны, с Дымковской слободы вдруг рванул ветер, темная рябь покрыла воду, в воздухе замелькали сорванные платки и шлыки (шапки), взвихрилась пыль, поднимая вверх какие-то бумаги, куски пакли и обрывки веревок.

Словно пушечный выстрел, но как-то по-особому — со свистом, скрежетом и звоном — грохнул, упав на камни, широкий лист прислоненной к барке кровельной жести. Вороной жеребчик, привязанный рядом, рванулся в сторону, оборвал привязь и, сбивая шарахающихся людей с ног и от того еще дичее становясь, понесся срезом склона к только что покинутой монахом скамеечке. Женщина с ребенком, наверное, тоже задремала и не видела опасности.

---

* Семишник — две копейки серебром (примеч. автора).

— Не остановить жизни! Не дам! — крикнул монах и, собрав последние силы, бросился к ошалевшему коню. Ох, успел! Успел!..

Оттолкнулся от сухого булыжника и всем своим телом, словно превращенным в пушечное ядро, ударил жеребчика в переднюю лопатку. Люди видели, как от удара конь слетел на выстланный камнем склон, не удержался копытами и съехал на бок прямо к воде.

Вслед за ним скатилось мертвое тело монаха.

Ветер стих. Очнувшись от дремы, молодая женщина прижала к себе испугавшегося чего-то ребенка. Единственное облачко на всем августовском небе неожиданно закрыло солнце. И так же неожиданно потемнели кресты и купола Никольской церкви.

Но и в этот миг преображения была белая церковь похожа на невесту, выбежавшую встречать своего жениха. Выбежала да так и осталась, замерла... На века.

Молодая пара кинулась вниз, наклонилась над телом монаха. Девка, вздрагивая от рыданий, прошептала: «Надо же такой смиренный, кроткий был! Кто бы мог подумать, что от смерти бабу с ребенком отважится спасти...»

Парень отвел глаза, взглянул на нахмурившуюся Никольскую церковь и тоже почти шепотом произнес: «День сегодня такой. Спас. Преображение».